

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ФЕНОМЕНОЛОГИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ЧАСТЬ 1. О «ЕЖЕГОДНИКЕ ПО ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ»

П.С. КУСЛИЙ

Учитывая то глубокое и масштабное влияние, которое феноменологическая философия оказала на формирование гуманитарного знания, она по праву может считаться одним из наиболее важных современных философских направлений. Однако несмотря на это, число ее сторонников в мире не так уж велико по сравнению с другими популярными философскими направлениями. В связи с этим приятно констатировать, что в России в новом тысячелетии феноменологическое движение не только не затерялось среди других концепций, но и смогло занять прочное место в жизни нашего философского сообщества. Более того, появляющиеся новые исследования российских феноменологов позволяют говорить и о некотором буме, который эта дисциплина переживает в последние годы.

Важным полюсом, поддерживающим интеллектуальную работу

в области российской феноменологии и в известной мере задающим такт и направление ее развития, является Центр феноменологической философии РГГУ, который в последние годы провел ряд интересных конференций и других научных мероприятий¹. С 2008 г. Центр стал издавать «Ежегодник по феноменологической философии», представляющий новейшие исследования российских и зарубежных феноменологов, а также публикующий ранее не публиковавшиеся работы классиков этой философской дисциплины.

Первая часть предлагаемого обзора новых публикаций по феноменологии на русском языке целиком посвящена последнему вышедшему номеру Ежегодника (Ежегодник по феноменологической философии. 2009/2010. II. М., 2010. ISBN 978-5-7281-1192-4) по двум причинам. Во-первых, этот номер – двоянный и содержит

¹ Обзор одного такого мероприятия см. в нашем журнале (2008. № 4. С. 195–198).

значительный массив новых текстов, стоящих упоминания. Во-вторых, статьи, опубликованные в нем, посвящены не какой-то одной теме (как это, например, было в номере за 2008 г.), а представляют собой тексты, написанные по материалам докладов, сделанных на философской конференции «Пространство феноменологии: к 150-летию со дня рождения Эдмунда Гуссерля» (Москва, 2009). На этой конференции помимо стандартных для феноменологии вопросов были освещены и менее известные области практической и религиозной феноменологии, а также этики.

Применительно к феноменологии этики (в рубрику вошли работы и по феноменологической теологии, среди которых статьи таких известных специалистов, как К. Хельд «Бог в феноменологии Э. Гуссерля» и Т. Нинон «Феноменология священного: изменения метода») хотелось бы остановиться на статье *Т. Сакакибары* (Япония) «Переживание болезни и феноменология медицинского ухода за больным» (С. 87–99). Автор предлагает введение в современные феноменологические исследования этой области этики. Исследования здесь осуществляются в терминологии заботы М. Хайдеггера и телесности М. Мерло-Понти и представлены в статье на материале работ П. Беннер и Дж. Врубель. Через феноменологическое определение болезни как переживания потери или нарушения функционирования формулируется и соответствующее определение здоровья, которое дается в терминах осознаваемого самочувствия. Соответственно феноменологическое состояние здоровья и/или бо-

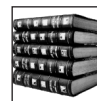
лезни может и не коррелировать с физиологически фиксируемыми болезнью или здоровьем. Автор рассматривает специфику феноменологической дескрипции происходящего во время ухода за больным медсестры и предлагает некоторые направления развития данной проблематики как в сторону анализа сложных случаев (ухода за больными, с которыми нет диалога), так и в сторону привлечения в анализ более широкого спектра понятий этики.

Представлены в сборнике и работы по более классическим философским темам, таким как сознание и время.

Статья *В.И. Молчанова* «Происхождение имманентного времени: ощущение и пространство» (С. 119–157) посвящена критике понятия времени, которое в феноменологической философской традиции, у Э. Гуссерля и М. Хайдеггера и в других философских направлениях, например у А. Бергсона, рассматривается как изначальная форма опыта, не редуцируемая к другим формам. В этом отношении иллюстративным является учение Гуссерля о сознании времени, которое само по себе также является временным.

На материале целого ряда работ В.И. Молчанов проводит анализ того контекста и тех целей, которые ставит Гуссерль, вводя понятие имманентного времени. С одной стороны, подробно исследуются различия между восприятием и ощущением, а с другой – параллели, существующие между терминологией пространства и времени.

Молчанов демонстрирует, что ощущения, обеспечивающие у Гуссерля введение времени во внутреннее пространство опыта,

также обсуждаются им в пространственной терминологии. Применительно к ощущениям различие между сознанием времени и имманентным временем практически нивелируется и ощущения как конститутивные элементы содержания сознания оказываются упорядочены временем практически точно так же, как материальные предметы упорядочены объективным временем. И эта упорядочивающая функция как имманентного, так и объективного времени делает время лишь медиумом или координатором пространственного, которое в свою очередь оказывается более первичной формой опыта. Автор делает вывод: «Темпоральный опыт, или ощущение времени, возникает на основе опыта абстрактного, иллюзорного или воображаемого пространства» (С. 152).

Статья *М.А. Белоусова* «Нейтральность ощущений в гуссерлевской феноменологии времени» (С. 157–171) отчасти продолжает критическую линию статьи Молчанова, направленную на переосмысление феноменологической категории времени и связанных понятий. Белоусов анализирует гуссерлевское понятие ощущений. Как указывает автор, нетривиальность задачи заключается в том, что от получения ясного понимания природы ощущений у гуссерлевской феноменологии зависит корректное понимание природы имманентного времени (сознания времени), которое является одной из отправных точек всего феноменологического проекта.

Автор предлагает критическое исследование того, в каком смысле ощущения могут быть нейтральными, и показывает, что исходя из текстов самого Гуссерля им возможно

приписывать пространственность и темпоральность. Не предлагая каких-либо далеко идущих заключений, он завершает свою небольшую статью лишь констатацией проблематичности вскрытых непоследовательностей в основаниях феноменологии, предлагая тем самым задел для дальнейшего исследования описанной проблематики.

Рядом текстов в Ежегоднике были представлены и вопросы отношения феноменологии с другими направлениями современной философии. Так, статья *И.Н. Инишева* «Комплементарность феноменологической и аналитической перспектив в контексте проблемы соотношения мира и языка» (С. 172–184) посвящена вопросу о взаимной дополнительности феноменологической и аналитической традиций в современной философии. Данную тему, довольно популярную в последнее время не только в мире, но и у нас в стране, автор исследует с точки зрения того, как в обеих традициях исследуется соотношение мира и языка. По мнению Инишева, феноменология и аналитическая философия изучают эту область как бы с разных сторон: феноменология от анализа проблематики мира (или, точнее, его восприятия) переходит к анализу проблематики языка, тогда как аналитическая философия движется в обратном направлении. Автор учитывает, что даже в рамках каждой из традиций понятие мира и языка не имеют однозначной трактовки. На материале работ Дж. Макдауэлла, Г. Фигаля и некоторых других исследователей он показывает, как результаты одной из традиций могут существенно прояснить самые сложные для понимания аспекты другой. Такой

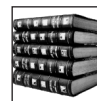
компаративный анализ приводит Инишева к выводу, что наиболее результативным проектом философской рефлексии над проблематикой соотношения мира и языка может стать только «медиалистская парадигма», интегрирующая исследовательский аппарат и результаты как феноменологии, так и аналитической философии.

Статья Дж. Менша «К вопросу о натурализации феноменологии» (С. 302–316) посвящена вопросу междисциплинарной востребованности результатов, полученных феноменологической философией. Конкретно в статье исследуется возможность кооперации между феноменологией и современными когнитивными науками, ведь так или иначе и первая, и последние занимают исследование сознания. Автор рассматривает основные методологические возражения, стоящие на пути у подобных проектов, среди которых проблема натурализации сознания в когнитивных науках (т.е. рассмотрение его как части мира) и его «трансцендентализации» в феноменологии (т.е. анализ сознания как не являющегося одним из существующих в воспринимаемом мире объектов). Ведь методология когнитивных наук предполагает проведение редукции, абстрагирующей от феноменальных данных опыта сознания, которые в свою очередь являются предметом изучения для феноменологии. На эти и связанные с ними вопросы Менш предлагает ответы или направления для их решения. Так, он предлагает различать цели феноменологии и ее конкретные результаты на том основании, что и те, и другие имеют самостоятельную ценность. И если так, то последние мо-

гут использоваться в когнитивных исследованиях без общей «денатурализации» феноменологии как дисциплины. Кроме того, Менш исследует гуссерлевское различие между условиями истинности и условиями применимости, делая дополнительные заключения о способах возможной комплементарности феноменологии и когнитивных наук.

Как уже было сказано, отдельное место в сборнике заняли публикации двух статей Э. Гуссерля: «Коперниканский переворот коперниканского переворота. Перво-Ковчег Земля» (С. 349–362) и «Фихтевский идеал человечества. Три лекции» (С. 366–394) в переводе В.И. Молчанова. В рамках данного обзора остановимся лишь на первой из них.

В ней представлена гуссерлевская аргументация в пользу известного феноменологического тезиса о том, что в релевантном для анализа сознания смысле Земля не движется и не покоится. Гуссерль разводит то, что можно назвать двумя перспективами: натуралистической перспективой и перспективой функционирующего земного сознания. Первая из них заключается в ориентированном на естественную науку рассмотрении Земли как объекта, способного двигаться и/или покоиться в зависимости от своего отношения с теми или иными другими объектами. Вторая, являющаяся перспективой феноменологии, представляет Землю как недвижимый исходный «Ковчег», дающий смысл любому движению и любому покою. Именно эта последняя перспектива является человекомерной, той, в которой существует наше сознание и исходя из которой конституирует-

ся наш опыт. И поскольку, согласно Гуссерлю, для нас как земных существ любое сущее обретает свой бытийный смысл лишь относительно нашего «конститутивно-го земного генезиса», то феноменологическая перспектива является для сознания первичной в сравнении с натуралистической. И поэтому, согласно Гуссерлю, тот смысл, в котором Земля является неподвижной, является более фундаментальным, чем тот, в котором она движется.

Завершает сборник публикация интересных мемуаров *Г.Л. ван Бреда* «Спасение гуссерлевского наследия и основание Гуссерль-архива», посвященных тому, как возник Гуссерль-архив в Лувене (Бельгия). Автор мемуаров и основатель архива бельгийский философ ван Бреда с поистине феноменологическим пристрастием к мельчайшим деталям рассказывает о том, как он, будучи молодым ученым, постепенно выносил идею его создания и о том, как в 1938–1939 гг. перевозился этот ар-

хив объемом 40 тыс. страниц, записанных скорописью самим Гуссерлем, 10 тыс. страниц расшифрованных текстов, а также того, что ван Бреда называет «духовным наследием» философа (т.е. более 4,5 тыс. книг и оттисков). Здесь есть повествование и о судьбе вдовы Гуссерля, и о его устроившихся в США детях, и об их движимом имуществе в 60 ящиков, погибшем от англо-американских бомбардировок уже после того, как оно было с огромными трудами переправлено из Германии в Бельгию. А между прочим в этих ящиках были и портреты молодого Гуссерля кисти Ф. Brentano, и его переписка с Хайдеггером и многое другое. В силу своей детальности данный текст, несмотря на небольшой размер, способен погрузить читателя в атмосферу первых месяцев и лет после смерти Гуссерля, в те реалии, в которых жили тогда философы в Германии и Бельгии. И в этом, по-видимому, заключается его главное достоинство.